

Къ вопросу о религиозномъ элементѣ въ посвященіяхъ у дикарей ¹⁾.

On the momentous crisis in the personal life when the boy enters into manhood and the girl becomes a woman, in nearly all primitive tribes a solemn rite is prescribed, the object of which is to prepare the child for the duties of the wider life, which it is about to begin

D Brinton

Этнологу, изучающему върванія современныхъ одичавшихъ народовъ Азіи, Африки, Америки, Австраліи, бросается въ глаза прежде всего тотъ любопытный фактъ, что жизнь этихъ дегенератовъ не стоитъ въ разобщеніи съ ихъ религиозными представленіями, а напротивъ, ихъ своеобразная культура всецѣло проникнута религиознымъ характеромъ, каждый поступокъ, каждый шагъ ихъ семейной, социальной жизни, почти каждый предметъ изъ бытовой обстановки говорятъ о тѣсномъ союзѣ вѣры и знанія. И если эта связь, быть можетъ, не всегда ясна имъ самимъ, то для европейца, привыкшаго къ логическимъ схемамъ, она сквозитъ въ каждой церемоніи любой дикарской общины; совершенно невозможно представить себѣ социального акта въ жизни дикаря, свободнаго отъ миеологической мистики. акта, естественнаго въ нашемъ смыслѣ слова. Табу, тотемъ, кувада и пр. и пр. окружаютъ его, опредѣляютъ каждый его шагъ, и онъ буквально тонетъ въ массѣ обрядовъ, обычаевъ, повѣрій, которые подчасъ совсѣмъ связываютъ его, заключаютъ его волю въ рамки условностей, мѣшаютъ

¹⁾ Рефер., чит. въ ноябр. (1909 г.) засѣданіи Философ. Кр. при Моск. Дух. Академіи

свободной мысли, постоянно держать и не выпускаютъ изъ установившихся традицій, сильныхъ именно религіознымъ элементомъ. Такъ, культура дикарей представляетъ собой комплексъ средствъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей, пронизанныхъ длинными, тонкими, вязкими нитями религіозно-мистическихъ представленій.

Нѣтъ нужды подробно доказывать, что состояніе нынѣшнихъ дикарей представляютъ собой ассимиляцію, нужно сказать—очень искусную, схемы, остова первобытнаго существованія человѣчества, и позднѣйшихъ элементовъ регресса его, такъ—что при болѣе древней основѣ быть дикарей полонъ наносами мистико-религіознаго, національнаго, даже чисто географическаго характера, которые при нѣкоторомъ умѣнни можно снимать, и предъ нами выявится чистая библейская основа. Такой актъ рафинированія, начавшій примѣняться не такъ давно въ богословской литературѣ, съ поразительной ясностью констатируетъ всю несостоятельность и ложность эволюціонной гипотезы происхожденія человѣка и міра его представленій космологическаго характера и высоту и логичность библейской теоріи о началѣ современныхъ дикарей ¹⁾.—Особенно реаленъ такой религіозный характеръ въ обрядахъ, сопровождающихъ переходъ юноши въ званіе мужчины у всѣхъ дикихъ народовъ. Въ новѣйшей этнологіи вопросъ о такихъ посвященіяхъ принято ставить въ связь съ институтомъ дѣтоубійства, который имѣетъ повсемѣстное распространеніе и встрѣчался при разныхъ степеняхъ культурнаго развитія, начиная отъ дикихъ австралійцевъ и кончая казаками Донской области. Краткій анализъ примѣровъ подобнаго рода поможетъ намъ послѣ въ рѣшеніи вопроса о связи этого цикла обычаевъ съ нѣкоторыми библейскими темами.—*Гуаносы* южной Америки убиваютъ нѣкоторыхъ изъ своихъ дочерей непосредственно послѣ рожденія, *мбаясы* хоронятъ живыми дѣтей мужского пола ²⁾; также поступаютъ южно-американскіе *минаосы* съ обезображенными дѣтьми или уродами ³⁾. Древніе

¹⁾ См. А. Покровскій „Библ. уч. о перв. религ.“ Св.-Тр.-Серг. Лавра. 1901 г. IX—XXX стр.

²⁾ Klemm „Allg. Culturgesch.“ Leipz. 1843. II. 83; Ploss „D. Kind in Brauch u. Sitte der Völker“ Leipzig. 1884. II. 253.

³⁾ Ploss. II, 252, Bastian „Rechtsverh. b. verschied. Völk.“ s. 356

мексиканцы убивали одного изъ двойней ¹⁾, въ *Арибо*—въ *Гвинеѣ*—убиваются не только двойни, но и ихъ матери, въ *Дагометъ* и въ *Нгуру*—области, сосѣдней съ *Уніаніембе*—двойней бросаютъ въ воду, такъ какъ въ противномъ случаѣ страну, по мнѣнію жителей, ожидаетъ голодъ, засуха, наводненіе, вообще, рожденіе двойней считается непозволительнымъ у всѣхъ Африканскихъ народовъ ²⁾. Ребенокъ, появляющійся на свѣтъ съ какимъ-нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ, также не оставляется въ живыхъ почти ни у одного народа; интересно, что ребенокъ, рождающійся съ зубами, топится неграми *Ното* въ особомъ сосудѣ съ водой ³⁾, у нѣкоторыхъ племенъ *Замбези* ребенокъ съ тѣлесной аномаліей, называемый *lola*, т. е. преступившимъ предѣлы, установленные природой, убивается ⁴⁾. *Кафры*, *зулусы*, *готтентоты* такъ же относятся къ своимъ дѣтямъ, которые имѣли несчастье родиться съ какой-нибудь аномаліей или не въ единственномъ числѣ ⁵⁾. Въ южной *Африкѣ*, *Австраліи*, *Меланезіи*, *Полинезій* матери, по выраженію *Platz'a*, „марактъ руки кровью своихъ дѣтей“ ⁶⁾. Въ *Китаѣ* обычнымъ представляется бросаніе большей частью дѣвочекъ по близости воды ⁷⁾; у древнихъ *персовъ* до эпохи халифовъ было дѣтоубійство ⁸⁾.

Древніе *греки* слѣдовали въ отношеніи къ дѣтямъ законамъ *Ликурга* и *Солона*, которые предписывали каждому ребенка представлять особой комиссіи изъ старѣйшинъ филы, и отъ послѣднихъ зависѣло—даровать ему жизнь или бросить близъ *Тайгета* на произволь судьбы ⁹⁾. Въ *Римѣ* допускалось убійство всѣхъ обезображенныхъ дѣтей, уродовъ и младшихъ дочерей ¹⁰⁾, *Сенека* говоритъ: „portentos foetus ex-

¹⁾ Ploss, 11, 275.

²⁾ Ploss, 11, 268. Bastian „D. Mensch in der Geschichte“, Leipz 1860, III, 284

³⁾ Ploss, 11, 259.

⁴⁾ Bastian, 111, 284.

⁵⁾ Klemm, 11, 277.

⁶⁾ Platz „D. Mensch“, Wien, 1857, 492; vgl. Ratzel „Völkerkunde“, Leipz 1887, 11, 35, 59, 123, 126, 181, 511.

⁷⁾ Platz, 11, 261. Klemm, VI, 112

⁸⁾ Ploss, 11, 245

⁹⁾ Schoemann „Griechische Altertümer“, Berlin, 1861. 1, 264, 517

¹⁰⁾ Lecky „Sittengeschichte“, Leipz 1870, 11, 21—23

tinguimus, liberos quoque si debiles monstrasique editi sunt, mergimus. Non ira, sed ratio est a sanis inutilia secernere“¹⁾; бросаніе дѣтей производилось въ Римѣ возлѣ Velabrum, гдѣ они подбирались работорговцами и воспитывались ими въ коммерческихъ цѣляхъ²⁾. Исслѣдованія Гримма, Плосса, Бастіана доказали, что у древнихъ *германцевъ*, *скандинавовъ*, *кельтовъ*, *кормановъ* практиковалось убійство дѣтей съ тѣлесными недостатками³⁾. Приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для подтвержденія высказаннаго выше положенія объ универсальности института дѣтоубійства, причины котораго этнологи склонны усматривать въ отношеніяхъ социально-экономическаго характера жизни дикарей⁴⁾. Въ борьбѣ за существованіе, понимаемой въ широкомъ смыслѣ, какъ простое приспособленіе, какъ волю къ жизни и реализацію ея всѣми возможными для субъекта средствами, логика некультурнаго человѣка заставляетъ его отрицательно относиться ко всему тому, что не служитъ непосредственно идеѣ жизни, что является препятствіемъ для человѣка на пути улучшенія своего благосостоянія, и религиознымъ мотивомъ здѣсь представляется скрытая мысль объ адверсативности божееству всего ненормальнаго, нарушающаго гармонию природы (ср. выше приведенный примѣръ дѣтоубійства въ *Гвинее* изъ боязни прогнѣвать божество рожденіемъ двойней)⁵⁾; въ этомъ случаѣ, нетрудно въ міросозерцаніи дикаря отыскать двѣ послышки: это, съ одной стороны, мысль, что ребенокъ имѣетъ право на существованіе лишь при условіи наличности въ немъ задатковъ силъ и способностей для возвращенія въ формѣ собственной дѣятельности въ мужскомъ возрастѣ общинѣ потраченнаго на воспитаніе его труда. *Возможность полной компенсаціи*—первое условіе для получения права на жизнь для ребенка; отсюда, если въ его организаціи усматривается дефектъ, который при ростѣ увеличится и сдѣлаетъ его неспособнымъ выполнять свое об-

1) „De ira“. 1, 15

2) Lecky, 23

3) Grimm „Rechtsaltertümer“, Lpz s. 455; Ploss, 11, 398—399; Bastian. 111, 286

4) Ср Кулишеръ „Очерки сравнит этногр и культ.“ СПб 1877 г 52—53.

5) Ср. Ploss, 11, 257

щественное назначеніе, то онъ и не долженъ обременять другихъ. Такой безжалостный, но вполне логичный выводъ рельефно подчеркиваетъ основную черту мышленія некультурнаго человѣка, который всю свою жизнь строить по строго логическимъ законамъ, причемъ цѣль причинъ каждаго поступка начинается съ трансцендентнаго принципа. Съ другой стороны, у нѣкоторыхъ народовъ дѣтоубійство поддерживается социальнымъ консерватизмомъ, стремленіемъ строго сохранять опредѣленную численность племенной группы, такъ—что новый членъ долженъ всегда лишь замѣнять стараго, покидающаго общинный трудъ; экономическія условія принуждаютъ нѣкоторыхъ австралійцевъ точно нормировать число своихъ дѣтей, чтобы они не стѣсняли ихъ въ кочевомъ образѣ жизни, и какъ скоро подобное равновѣсіе нарушается, виновникъ предается смерти ¹⁾. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ цѣлью дѣтоубійства является уравновѣшеніе количества членовъ извѣстной общины съ суммой средствъ для жизни, находящихся въ ея распоряженіи.—Таковы тѣ двѣ послышки, изъ которыхъ мышленіе примитивнаго человѣка дѣлаетъ выводъ о необходимости дѣтоубійства.—Ребенокъ, вполне нормальный, не нарушающій экономическаго равновѣсія, оставляется въ живыхъ. Онъ находится на попеченіи родителей, точнѣе—матери, но она является лишь ближайшей представительницей цѣлой общины, которая рѣшила воспитать *для себя* новаго члена; ребенокъ *пока* представляется лишнимъ ртомъ, ради котораго община терпитъ нѣкоторыя неудобства, и примиряющимъ, смягчающимъ мотивомъ въ этомъ служитъ мысль, что взрослымъ новый членъ возвратитъ общинѣ ея труды.

Наконецъ, приближается такой моментъ, когда онъ долженъ начинать свое участіе въ общинномъ дѣлѣ, настаетъ періодъ возмужалости, періодъ, когда община должна пополниться новымъ работникомъ; но здѣсь является вопросъ: оправдаетъ ли онъ довѣріе общины, какимъ та облекала его при рожденіи? Есть ли у него, дѣйствительно, силы и способности къ предстоящимъ трудамъ? Отвѣтомъ на всѣ эти и подобные имъ вопросы является мысль общины о необходимости испытать молодого члена, эмпирически провѣ-

¹⁾ Ploss, 11, 254

рить свои предположенія о правомочности даннаго субъекта въ выпадающемъ ему направленіи,—можетъ-ли онъ *производить* и *воевать*, бороться съ окружающей природой, извлекать средства пропитанія и охранять какъ себя, такъ и эти средства отъ посягательства другихъ общественныхъ группъ. Отсюда, молодежь—юноши, предъ выступленіемъ на общественную арену подвергаются испытаніямъ.—Нѣкоторые этноологи (Кулишеръ) предполагаютъ, что актъ испытанія юношества въ сущности есть не что иное, какъ повтореніе акта дѣтоубійства, при чемъ—разница видится въ томъ, что если дѣти были безпомощны, то въ юношескомъ возрастѣ они имѣютъ силы избѣжать подобной участи, могутъ выйти невредимыми изъ тѣхъ изязаній и вообще тяжелыхъ условій, въ которыя ставится нхъ жизнь: если они выдерживаютъ эти испытанія, то самымъ фактомъ существованія доказываютъ свою жизнеспособность. Такъ-что по отношенію къ дѣтямъ, оставляемымъ въ живыхъ, процессъ убійства и бросанія на произволъ судьбы только откладывается на определенное время. Послѣ анализа соотвѣтствующихъ примѣровъ мы найдемъ, что въ основѣ такого обычая лежитъ также религіозно-мистическая идея, подчеркивающая *библейскую* основу въ немъ. Такія испытанія юношества представляются институтомъ универсальнымъ, подобно и дѣтоубійству, и можно было-бы собрать безчисленное количество свидѣтельствъ о нихъ у всѣхъ странъ и народовъ,—мы воспользуемся наиболѣе интересными изъ нихъ.—Клеммъ такъ описываетъ посвященія у *мексиканцевъ*. Послѣ того, какъ старые войны подтвердятъ способность мальчика вынести испытанія, его раздѣваютъ до-нага, затѣмъ, предводитель приступаетъ къ жертвѣ: онъ таскаетъ его за волосы, бросаетъ на землю, бьетъ кулаками. Это первый актъ, въ теченіи котораго несчастный не долженъ произнести ни одного звука; если онъ чувствуетъ себя бодро, смѣется, то мучитель приступаетъ вновь. Онъ бьетъ его розгами, палками по всему тѣлу, и мальчикъ, не смотря на ручьи крови, не издаетъ ни одного звука, и начинается затѣмъ, третій актъ. Мальчика бьютъ, колютъ, царапаютъ костями хищныхъ птицъ, особо приготовленными для этого, кровь льетъ ручьемъ, кожа вырывается съ мясомъ, но юноша попрежнему остается нѣмъ. Тогда ему вручаются лукъ и стрѣлы, и пред-

водитель увѣщаетъ его никогда не трусить, смѣло защищать своихъ соплеменниковъ и пр. 1). Въ *Виргиніи* юношей сѣкли, затѣмъ, мать съ плачемъ готовила могилу, и ихъ сбрасывали туда, какъ мертвыхъ: послѣ того дѣти въ теченіи 9—10 мѣсяцевъ пребывали въ пустынномъ мѣстѣ, питаея дикими корнями и особымъ родомъ декокта изъ горькихъ травъ, который долженъ былъ произвести разстройство въ ихъ умственныхъ способностяхъ, они должны были забыть все прошлое и вернуться домой чуждыми своей общинѣ: „они начинали жить снова, послѣ того, какъ они умерли на нѣкоторое время, и входили въ число взрослыхъ послѣ того, какъ забыли, что нѣкогда они были дѣтьми“. 2). Еще ужаснѣе, по разсказу Спикса и Марціуса, испытанія у *южно-американскихъ маугесовъ*. По достиженіи мальчиками 8—10 лѣтъ устраивается особенно торжественное пиршество; на руки испытуемыхъ надѣваютъ особые рукава въ видѣ муфты, наполненные большими муравьями. Когда мальчики отъ жгучей боли начинаютъ рыдать и кричать, бѣснующаяся толпа мужчинъ смыкается въ кругъ и пляшетъ около нихъ съ дикимъ крикомъ, воемъ, пока несчастные не падаютъ на землю замертво. Вспухшія конечности натираются свѣжимъ сокомъ мандіоковаго корня. Эта церемонія обычно повторяется еще разъ до 14 лѣтъ чтобы молодой индеецъ привыкъ переносить боль безъ вздоха, тогда онъ считается взрослымъ и получаетъ право жениться 3). У *тлинкитовъ Аляски* дѣвушки при началѣ половой зрѣлости совершенно обособляются отъ мужчинъ, живутъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а ранѣе—одного года, въ особой хижинѣ и считаются нечистыми. Къ концу этого срока у нихъ пробуравливали нижнюю губу, и вставляли серебряную палочку—знакъ зрѣлости. 4). Интересны посвященія дѣвушекъ у *южно-американскихъ макузисовъ* въ Британской Гвіанѣ. Дѣвушка обособляется отъ взрослыхъ сожителей, день проводитъ на куполообразной вышкѣ хижины, а ночь при разведенномъ ею огнѣ. Семидневный постъ за-

1) Klemm, cit. op. 11, 89—90

2) Bastian „Rechtsverhältn.“ 400—401

3) Klemm, 1, 127

4) Ploss, 11, 433.

канчивается изготовленіемъ ея похлебки въ темномъ углу, послѣ чего жрецъ дѣлаетъ особыя заклинанія, и посуда разбивается. Послѣ купанья мать бьетъ тонкими прутьями стоящую цѣлую ночь на камнѣ нагую дѣвушку, и та не должна кричать, чтобы не разбудить сожителей хижины. Этимъ заканчивается испытаніе, макузиска считается чистой и можетъ выйти замужъ. ¹⁾ Вайтцъ говоритъ о подобномъ случаѣ у древнихъ *перуанцевъ*, когда юношамъ шестнадцати лѣтъ послѣ шестидневнаго поста и мѣсячнаго состязанія въ ловкости пробуравливались уши, и въ знакъ возмужалости—надѣвался передникъ ²⁾.

Нѣсколько отличную отъ указанныхъ группу испытаній представляютъ такія церемоніи, въ которыхъ очень рѣзко подчеркивается элементъ жертвы, по выраженію Ратцеля; изъ нихъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить обряды, практикуемые въ *Австраліи* надъ мальчиками и дѣвочками при достиженіи зрѣлости.—Во внутренней Австраліи мальчики съ завязанными глазами ползаютъ по длиннымъ дорожкамъ Вога и послѣ торжества въ теченіи недѣли ходятъ съ опущенной головой, не поднимая ни на кого глазъ. Къ этому присоединяются побои, пытки, татуировка, голодъ и насильственное обособленіе отъ родныхъ. У племени въ *Vogue River* юноши должны предъ торжествомъ посвященія выдержать трехнедѣльный строгій постъ, когда имъ дозволяется только одна вода; лишь за такимъ испытаніемъ слѣдуетъ самое посвященіе—обрѣзаніе и выбиваніе зуба (Кар—York.); въ теченіе мѣсяца, послѣ того, новіици не должны подъ страхомъ смерти приближаться къ женщинамъ. У *нариньяриевъ* татуировка въ этотъ моментъ юношескаго возраста бываетъ очень болѣзненна и соединяется съ выщипываніемъ волосъ на всемъ тѣлѣ, кромѣ головы и бороды; въ такомъ состояніи „*нарумба*“ юноши ожидаютъ роста бороды, которая даетъ имъ право на участіе въ правахъ мужчинъ. Юноши племени *гульдурнъ* (на сѣв. отъ Мельбурна) при посвященіи остаются въ лѣсу два дня и одну ночь, выбиваютъ себѣ два верхнихъ рѣзца и, по возвращеніи, отдають ихъ матери ³⁾. У *Нориньяри* существу-

¹⁾ Ploss, 11, 425

²⁾ Waitz—„Antrop d Naturvölk“. Leipz. 1862, IV, 418

³⁾ Ratzel—„Volkerkunde“ Leipz 1817, 11. 82—85

еть такой интересный обычай: предводитель племени, являющийся и жрецомъ, открываетъ у себя перевязанную шнуромъ изъ человѣческихъ волосъ медианную вену и кровью обрызгиваетъ посвящаемыхъ въ знакъ передачи имъ части своихъ силъ,—эта церемонія совершается въ укромномъ мѣстѣ, при вѣличности однихъ мужчинъ. Обряды посвященія дѣвушекъ также запечатлѣны характеромъ жертвеннаго акта; у племени *Ларакки* въ сѣв. Австраліи онѣ обособляются, отламывается верхній суставъ указательнаго пальца правой руки, и даже выбивается лѣвый глазъ. 1) Brinton особенно настаиваетъ на томъ, что каждая деталь австралійскаго посвященія — строго религіозна и находится въ связи съ богомъ *Turamulun* 2). Татуировка нигдѣ не достигла такого совершенства и глубокаго религіознаго значенія, какъ у *полинезійцевъ* и у *жителей Маори*, гдѣ въ честь ея сложены даже особыя пѣсни; здѣсь татуировка ставится въ связь съ ученіемъ объ Атуа, который мститъ всякому нетатуированному полинезійцу. 3) Обрѣзаніе, какъ церемонія при зрѣлости мальчиковъ и дѣвочекъ, распространена повсюду и существуетъ съ незапамятныхъ временъ, по Геродоту; 4) отрѣзаніе пальца, кромѣ австралійцевъ (см. выше), существуетъ у *индійцевъ-мандановъ*. Бастіанъ такъ описываетъ эту церемонію. Кандидатъ на мужчину выдерживаетъ продолжительный постъ; затѣмъ, жрецъ, сдѣлавъ ножомъ нѣсколько разрѣзовъ кожи на груди и плечахъ его, продѣваетъ въ образовавшіяся петли кожаные ремни, за которые мальчика поднимаютъ и вертятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не впадетъ въ безпамятство, послѣ чего его опускаютъ и, когда онъ очнется, отрубаютъ у него мизинецъ лѣвой руки, какъ жертву Великому Духу. Испытаніе оканчивается тѣмъ, что несчастнаго кандидата таскаютъ за ремни, пока тѣ не будутъ вырваны изъ кожи 5).

Наиболѣе изученной въ этнологическомъ отношеніи страной является Африка, у обитателей которой мы находимъ цѣлыя

1) *Ib.* s. 86.

2) Brinton „Religions of primitive peoples“, New—York, 1898 p. 198.

3) Ratzel, 11, 136—137.

4) Обстоятельный очеркъ объ этомъ у Ploss, 1, 342—372, 377—385

5) Bastian „Verhältn“ 345. vgl. Ploss, 1, 335

циклъ очень интересныхъ обычаевъ при посвященіяхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. У *Вакамба* и *Вакикуйу* обрѣзаніе совершается надъ юношами 16—17 лѣтъ, у которыхъ уже появилась борода, и надъ взрослыми дѣвушками въ одинъ опредѣленный день, причемъ части тѣла хоронятся съ особыми обрядами въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли кандидаты во время совершенія операціи. Послѣ того родители съ своими оперированными дѣтьми начинаютъ великій танецъ—мальчики съ отцами, дѣвочки съ матерями, въ концѣ котораго новиці покрываются большимъ кускомъ кожи, на головы имъ выливается большое количество свѣжаго молока, и они считаются взрослыми ¹⁾. Въ *Лоанго* (западн. Африка) дѣвушки, достигшія половой зрѣлости, посвящаются старыми женщинами (Нгемби) въ особая мистеріи; нгемби идутъ въ лѣсъ, очищаютъ отъ деревъ мѣсто и строятъ священную хижину, къ которой не смѣетъ приближаться ни одинъ мужчина. Затѣмъ, онѣ возвращаются въ деревню и приводятъ въ хижину дѣвушку кандидатку, которая до этого никогда не была на мѣстѣ выстроенной хижины. Слѣдуетъ трехдневный постъ, въ теченіе котораго въ лѣсу поддерживается все время огонь; на третью ночь новиці раскрашивается черной, красной и бѣлой краской и призываетъ Оканда—йо, йо, йо! Со внѣ стоятъ мужчины и бьютъ въ барабаны. Все, что происходитъ въ хижинѣ, скрыто отъ мужчинъ, извѣстно лишь, что въ данномъ случаѣ имѣютъ мѣсто обряды фаллическаго культа ²⁾. У *готтентотовъ* операція обрѣзанія совершается въ крайне жестокой формѣ, и все взрослые мужчины рѣшаютъ вопросъ о правомочности кандидата ³⁾. Въ южной Африкѣ у *Макалака* дѣвушка, достигшая зрѣлости, татуируется старыми женщинами въ нижней части груди живота широкими линіями въ общей суммѣ не менѣе 4000, въ которыя послѣ того втирается черный углеобразный порошокъ ⁴⁾. Самымъ торжественнымъ праздникомъ, совершаемымъ у *каффровъ* въ маѣ, является обрѣзаніе 9—10 лѣтнихъ мальчиковъ. Обрѣзанные размѣщаются въ большой хижинѣ, специально выстроенной для этой цѣли, раздѣлен-

¹⁾ Ploss, 1, 437—438.

²⁾ Ib 439

³⁾ Klemm, 111, 259.

⁴⁾ Ploss, 1, 442.

ной на 25 комнатъ; новіціи совершенно обособляются отъ родителей и вообще всего общества, украшаются въющимися растеніями и носятъ особыя шапочки. Въ срединѣ сентября это первое посвященіе оканчивается. Затѣмъ, являются женщины и танцуютъ до полуночи, послѣ чего кругомъ хижины рассаживаются всѣ сосѣди. Вождь съ свитой входитъ къ неофитамъ, которые разбиваютъ всю посуду и начинаютъ танецъ до вечера. Рано утромъ юноши уводятся въ лѣсъ и располагаются тамъ на лужайкѣ; скоро является вождь съ врачомъ (т. е. колдуномъ, совершившимъ обрѣзаніе), вручаетъ имъ кораллы, ассагаи и объявляетъ ихъ принятыми въ число воиновъ. Наконецъ, приходятъ къ своимъ дѣтямъ матери съ друзьями и щедро надѣляютъ палочными ударами въ знакъ того, что тѣ—мужчины и выросли изъ подъ опеки слабыхъ женщинъ. Церемонія, которая совершается при приѣмѣ юношей въ число взрослыхъ мужчинъ, у большинства кафѣрскихъ племенъ носить названіе „Секко“. Юные кандидаты 14—15 лѣтъ разставляются въ рядъ; являются старики и начинаютъ танецъ, размахивая длинными розгами. „Будешь ты защищать предводителя?“ — спрашиваетъ танцоръ мальчика. „Да, буду“ — слышится отвѣтъ, за которымъ слѣдуетъ ударъ по плечамъ, и хотя сила удара ослабляется сандалями, которыя мальчикъ держитъ въ рукахъ и употребляетъ въ качествѣ щита, тѣмъ не менѣе чрезъ нѣкоторое время бичуемый покрывается кровавыми полосами. Но онъ не долженъ издать ни одного звука, иначе община не приметъ его. „Будешь—ты охранять скотъ?“ — „Да“. И опять слышится свистъ разогъ, и удары сыплются, какъ градъ... Только послѣ подобнаго истязанія юноша получаетъ право жениться. Возмужалость дѣвушекъ отмѣчается обрѣзаніемъ, за которымъ слѣдуютъ нѣкоторые обряды посвященія совершенно нецензурнаго свойства, дающіе кандидаткамъ право выхода замужъ ¹⁾. Подобныя церемоніи нашель Левингстонъ у *бечуановъ* подъ именемъ „Богуера“, которыя своей главной цѣлью имѣютъ *усыновленіе* вождемъ юношей 14—15 лѣтъ; въ особомъ потайномъ мѣстѣ въ лѣсу молодые бечуаны собираются возлѣ какого-нибудь старика и получаютъ отъ него наставленія соціально-экономическаго

¹⁾ Ploss, I. 442—443; vgl. Klemm, III, 290 ff. II.

и семейнаго свойства. Послѣ того слѣдуетъ сѣченіе ихъ ¹⁾. „Кома“ *басутовъ* совершается ежегодно или чрезъ два - три года въ періодъ съ мая по августъ. Колдунъ избираетъ мѣсто въ лѣсу, освящаетъ его заклинаніями и объявляетъ „табу“ для непризванныхъ. Затѣмъ, онъ предлагаетъ юношамъ пить изъ горшка съ особо приготовленнымъ растворомъ съ расчетомъ, что лжець долженъ въ конвульсіяхъ упасть на землю и умереть: юноши послѣ того обрѣзываются, и начинаются ужасныя истязанія несчастныхъ, которыя выносятся лишь наиболѣе сильными. Ихъ бьютъ розгами, палками, они держатъ руки надъ огнемъ и т. д. Дѣвушки должны цѣлый день и ночь простоять въ водѣ или держать свои члены, зашнурованные въ колючей лианѣ, въ неестественныхъ положеніяхъ. Всѣ эти испытанія сопровождаются танцами, пиршествами, барабаннымъ боемъ и пр. Въ концѣ послѣдняго мѣсяца кандидаты знакомятся съ именами божествъ и другими таинственными объектами и даютъ обѣщаніе не забывать всего этого. Главнымъ актомъ является церемонія, когда вождь племени встрѣчаетъ юношей и дѣвушекъ, какъ своихъ дѣтей, поздравляетъ ихъ и *дастъ имъ новыя имена* ²⁾. Въ *Гвинет* у племени квоясовъ юноши послѣ обрѣзанія насильно уводятся въ лѣсъ, гдѣ жрецы—„соггоны“ знакомятъ ихъ съ военнымъ дѣломъ: это посвященіе носить названіе „белли-паато“, смыслъ котораго сами соггоны объясняютъ такъ, что это—смерть и возрожденіе къ новой жизни: прежній человекъ съ чувствами и наклонностями умираетъ, и появляется новый съ разумомъ и знаніями. Послѣ возвращенія домой юноши ведутъ себя такъ, какъ будто они только что явились на свѣтъ, не умѣютъ одѣваться, ѣсть и пр. ³⁾.

Мы закончимъ перечень посвященій у дикихъ народовъ указаніемъ на посвященіе у туземцевъ по берегамъ рѣки Конго, описанное Жонгомъ.—Мальчики, достигшіе 10 — 15 лѣтъ, собираются изъ разныхъ деревень, удаляются въ лѣсъ и здѣсь подъ руководствомъ жреца или фетишера знакомятся съ религіозными преданіями и готовятъ къ общественной дѣятельности; въ лѣсной обстановкѣ происхо-

¹⁾ Ploss, 1, 444

²⁾ Ploss, 1, 443—445

³⁾ Bastian „Rechtsverhältn“ 388—389, 399.

дять различныя упражненія адептовъ „нкимба“, вступленіе въ которое совершается съ особенными церемоніями: наркотики, пирушки, бичеванія, обмазыванія тѣла бѣлой краской, бритые головы, наконецъ—обрѣзаніе—элементы посвященія. Послѣ такой предварительной тренировки посвящаемые вступаютъ въ школу (коцо), гдѣ они должны въ теченіе шести мѣсяцевъ ходить голыми, надѣвать поясъ лишь при встрѣчѣ съ чужими; затѣмъ, особыми обрядами совершается нареченіе *нового имени*, предъ которымъ фетишеръ сѣчетъ своихъ учениковъ. Абитуріенты вслѣдъ затѣмъ отводятся въ свою деревню, гдѣ къ нимъ сбѣгаются всѣ женщины при крикахъ фетишера: „посмотрите! они были мертвы, и вотъ воскресли. Вотъ—они прибываютъ сюда“. Въмѣсто „нкимба“, иногда употребляется терминъ „кимпази“—воскресеніе ¹⁾).

Приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для составленія болѣе или менѣе полного представленія о характерѣ обрядовъ, которыми сопровождается у современныхъ дикарей переходъ отъ юношескаго возраста къ участию въ общинныхъ дѣлахъ. Выше мы показали ту логическую схему этнологовъ, по которой движется мышленіе некультурныхъ людей въ вопросѣ о цѣли посвященія: это—желаніе провѣрить предположеніе о способности даннаго ребенка выполнить свое назначеніе въ качествѣ полноправнаго члена общины, иначе говоря. здѣсь на первомъ планѣ ставится требованіе, чтобы юноша съ одной стороны доказалъ свою правомочность съ чисто *физической* стороны, съ другой—преслѣдуется тренировка его организма въ цѣляхъ *произведенія* и *войны*. Отсюда, будто-бы, и вытекаетъ тотъ характеръ истязанія, какой носятъ посвященія. Узость и ошибочность такого рѣшенія очевидна сама собой. Дѣйствительно, если посвященія имѣютъ своей цѣлью сдѣлать кандидата способнымъ воевать и производить, то зачѣмъ такимъ-же испытаніямъ подвергаются и подрастающія дѣвушки, которыя, насколько это извѣстно, нигдѣ не эмансипируются до права участвовать активно въ дѣлахъ общины? Женскій элементъ занимаетъ особое, сравнительно съ мужчинами, положеніе въ примитивномъ обществѣ, которое обуславливается не столько моральными качествами, сколько особенностями фи-

¹⁾ С. Глаголеви „Мистеріи на берг. Конго“, Серіи Пос 1908 стр. 3—1;

зической организаціи и вытекающими отсюда слѣдствіями; женщина исторически, какъ это показываетъ Библія, заняла въ человѣчествѣ подчиненное положеніе въ отношеніяхъ соціально-экономическаго характера именно потому, что отъ нея нельзя было требовать регулярности въ отправленіи общихъ обязанностей. Но такое внѣшнее подчиненное положеніе ея создало ей особенный ореолъ, ореолъ центра человѣчества, что особенно ясно видно въ первобытныхъ общинахъ, гдѣ главенство мужчины основывается исключительно на почвѣ грубой силы, но онъ находится съ моральной стороны въ подчиненіи у женщины: анализъ матриархата, какъ явленія дегенеративнаго порядка, показываетъ, что главной причиной его служитъ сознаніе общности материнской крови въ извѣстной общинѣ при условности отцовскаго начала физическаго, такъ-какъ при существующихъ въ современныхъ дикарскихъ племенахъ большею частью безпорядочныхъ половыхъ сношеніяхъ ребенокъ знаетъ чаще мать, чѣмъ отца, что можно было видѣть выше изъ того, что при посвященіяхъ дикарей на первый планъ часто выступаетъ мать, а не отецъ. Такое постоянство материнскаго начала, естественно, не могло не сконцентрировать на немъ вниманія и взгляды цѣлаго племени, которое извѣстнымъ образомъ противопоставляетъ женщину мужчинѣ *in teoria*: отсюда понятно, что какъ по общему представленію, души усопшихъ остаются послѣ смерти тѣмъ, чѣмъ они были при жизни, и сильнѣйшій въ жизни становится господиномъ въ царствѣ мертвыхъ, такъ и женщина остается тѣмъ, чѣмъ она была въ жизни. Если на извѣстной ступени общиннаго порядка женщина выдвигается на первый планъ, какъ *мать*, то естественно, что и высшее существо міра духовъ мыслится, какъ женщина, какъ мать, и притомъ—совершенно адверсативная началу мужской половины, олицетворенію принципа—*производить и звать*: женщина выражаетъ иной принципъ—*производить и мирить*. Поэтому-то, у *Крикъ-индійцевъ* женщина представляется съ символами мира ¹⁾, вокругъ нея образуется семья, родъ, ея область ограничивается домашними рамками, она исторична по преимуществу. Отсюда, физическая тренировка совершенно теряетъ въ примѣненіи къ ней какое-бы

¹⁾ Hoernes „Natur-und Urgesch. d. Mensch.“ Wien—Leipz. 1909. II, s. 585.

то ни было значеніе, идея ея служенія общинѣ противоположна принципамъ мужского труда.

Такимъ образомъ, посвященія дикарей носятъ совершенно иной отпечатокъ, не *физическаго* подготовленія подрастающаго молодого поколѣнія къ общинной дѣятельности, а чего-то иного, и однородность пріемовъ посвященія у всѣхъ дикарей заставляетъ предполагать, что въ ихъ основѣ лежитъ какая-то общечеловѣческая идея, ведущая свое происхожденіе изъ начала человѣчества, изъ того отдаленнаго прошлаго, о которомъ повѣствуютъ первыя главы Библии, какъ о первобытномъ состояніи человѣка. Нельзя согласиться также съ Кулишеромъ, который смотритъ на посвященія, какъ исключительно на жертву подрастающимъ юношествомъ божеству, исходя изъ кроваваго характера подобныхъ церемоній ¹⁾, такъ-какъ, кромѣ кровавыхъ истязаній, въ посвященія входятъ такіе элементы, которые не имѣютъ ничего общаго съ жертвой, напр. церемонія „белли-паато“ въ Гвинеѣ, усыновленіе посвящаемыхъ вождемъ племени бечуановъ и пр.

Попытаемся подойти къ вопросу съ иной стороны. Самаго бѣглаго обзора ритуала мистерій достаточно, чтобы замѣтить двухчастность состава большинства изъ нихъ: обособленіе посвящаемыхъ и постъ, обрѣзаніе, соединяемое съ татуировкой въ нѣкоторыхъ общинахъ. Правда, напр. въ посвященіяхъ мексиканцевъ, виргинцевъ, маугесовъ мы не находимъ перваго акта, но молчаніе о немъ этнографовъ еще не говоритъ объ его отсутствіи, и нужно полагать, что болѣе внимательное изученіе такихъ обрядовъ открыло бы двухактность ихъ.

Выше мы видѣли, что сами дикари видятъ смыслъ посвященія въ *перерожденіи* юношей (виргинцы, гвинейцы, туземцы конго и др.), при чемъ для большей конкретности даже совершается иногда симуляція смерти, — таково вступленіе въ званіе „ндембо“ у конго: съ первымъ прикосновеніемъ колдуна къ трещеткѣ новопосвящаемые падаютъ, какъ мертвые, ихъ, послѣ того, колдунъ воскрешаетъ, и ндембо никого не узнаетъ, ничего не знаетъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ пользуется особеннымъ уваженіемъ, почетомъ, ему предоставляется право голоса въ собраніяхъ и т. д. Смыслъ такого

¹⁾ Cit op. 70

симулированія будетъ ясенъ, если мы обратимъ вниманіе на выясненную отчасти выше логическую связь дѣтубійства съ посвященіемъ въ мужчины: съ точки зрѣнія мышленія примитивнаго человѣка, періодъ отъ рожденія и оставленія въ живыхъ до половой зрѣлости—это періодъ, такъ-сказать, безразличія, когда объ юношѣ какъ-бы забываютъ и вспоминаютъ о немъ въ моментъ заявленія имъ претензіи на права. Невольно, конечно, должна явиться мысль, что этотъ субъектъ имѣеть прежде всего поддерживать традиции своей общины, слѣдовать ея интересамъ и для успѣшности въ этомъ отношеніи онъ долженъ быть въ своемъ родѣ *tabula rasa*, онъ долженъ быть безъ всякихъ опредѣленныхъ уже данныхъ, которыя могли-бы давать ему ложное направленіе въ новой дѣятельности, могли-бы мѣшать его непосредственности въ приложеніи своихъ силъ; приступая къ этому серьезному новому дѣлу, онъ долженъ умереть для всего стараго, какъ-бы родиться вновь, и съ такой непосредственностью отнестись къ своимъ обязанностямъ. Такой именно смыслъ и имѣеть указанная симуляція смерти, начинаемая *обособленіемъ*, конечно, символическимъ, адепта посвященія отъ общины: если она воспитала ребенка, дала ему средства для жизнеспособности, то онъ долженъ такимъ-же свободнымъ въ метафизическомъ смыслѣ, свободнымъ, какъ дитя, принять новое званіе. Это *одинъ* элементъ процесса посвященія *въ возмужалость*.

Что такое, по существу, представляетъ собой второй актъ—постъ, истязанія, обрѣзаніе и татуировка,—и нельзя-ли какъ-нибудь эти формы объединить? Съ одной стороны мы имѣемъ постъ, какъ средство простого *изнуренія*, съ другой акты, сутью которыхъ является *пролитіе крови*. Отвѣтъ на это даетъ Талмудъ; въ трактатѣ *Verachoth* говорится: „когда равви Шейшетъ *постился*, то послѣ молитвы говорилъ: Боже міровъ! Тебѣ извѣстно, что, когда существовалъ храмъ, то, если человѣкъ согрѣшилъ и хотѣлъ-бы принести жертву, онъ приносилъ только жиръ и кровь и бывалъ оправданъ. Теперь, когда я *пребылъ въ постѣ*, и *мой жиръ и кровь уменьшились*, то пусть будетъ приятно Тебѣ, что я какъ бы *принесъ Тебѣ на алтарь свой жиръ и кровь*, и будь ко мнѣ милостивъ“ ¹⁾. Слѣдовательно, добровольное лишеніе себя пищи,

¹⁾ Talmud Babli Tr. Verachoth, Berlin cap II, s 17

аскеза, изнуреніе, утомленіе физическаго организма — это есть вольное отдаваніе своей крови, жертва своей кровью. Ниже мы подробнѣе остановимся на смыслѣ обрѣзанія, пока же замѣтимъ а priori, что кровавыя истязанія вообще есть модификація жертвы; что же касается татуировки, то ея религіозно-жертвенный характеръ можно видѣть изъ связи татуировки съ тотемизмомъ.

Такимъ образомъ, *обособленіе* есть символъ перерожденія новопосвящаемаго. Для человѣка въ естественномъ состояніи, дегенерата, настроеннаго анимистически, такого акта недостаточно, для него необходимо, чтобы данный субъектъ получилъ, помимо внѣшняго знака своей адверсативности ко всему прожитому въ дѣтствѣ, еще божественную санкцію, освященіе, въ смыслѣ очищенія отъ всего сквернаго, что бы только и могло подтвердить его способность жить: если община согласилась на принятіе новаго члена, то, вѣдь, быть можетъ, божество—покровитель общины—не будетъ согласно, быть можетъ—*оно* считаетъ его недостойнымъ новаго званія. Слѣдовательно, нуженъ актъ, въ которомъ бы съ одной стороны неопитъ доказалъ свою покорность, преданность боже-ству, безусловное согласіе на его велѣнія, съ другой—санкція божествомъ даннаго кандидата: вотъ, здѣсь-то и имѣетъ смыслъ и значеніе тотъ кровавый элементъ посвященія, о которомъ было выше замѣчено, что онъ—жертва. Новопосвященный долженъ принести *себя* въ жертву боже-ству, удовлетворить его собою, но онъ можетъ, вмѣсто всего своего существа, дать самое лучшее, дорогое *изъ него*: отсюда, постъ, обрѣзаніе, истязанія, татуировка, вообще—все то, чрезъ что человѣкъ жертвуетъ своей кровью, самымъ дорогимъ и необходимымъ агентомъ жизни. Въ Британскомъ музеѣ есть рельефъ, носящій названіе—„жертва Кукулькану“. Предъ богомъ, носящимъ царскія отличія—царственный жезлъ и украшенный перьями головной уборъ,—стоитъ колѣнопреклоненный—судя по его одѣянію и головному убору—главный жрецъ. Онъ отдаетъ себя въ жертву, которая состоитъ въ томъ, что колючей веревкой въ рукахъ онъ царапаетъ себѣ языкъ, и кровь капаетъ въ стоящій предъ нимъ жертвенный сосудъ. Этотъ единственный видъ кровавой жертвы у древняго племени *майя* служить аргументомъ высказаннаго нами воззрѣнія вообще на вольное пролитіе собственной крови.

Ясно, конечно, что проливаемая при посвященіяхъ юношей кровь или изнуреніе ихъ—постъ, бичеваніе и пр. имѣеть значеніе жертвы, полной преданности кандидата божеству: въ данномъ случаѣ, важенъ не способъ пролитія крови, а самый фактъ пролитія, такъ-какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣеть компенсирующее значеніе жертвы даже кровь посторонняго субъекта. Покойный проф. Анучинъ говоритъ, что на островахъ Вити или Фиджи въ случаѣ сильной болѣзни жрецъ приводитъ мальчика, обрѣзываетъ его и части приносить въ жертву божеству ¹⁾.

Такой жертвенный характеръ кровавыхъ посвященій молодого поколѣнія особенно очевиденъ въ описанныхъ выше церемоніяхъ австралійцевъ, полинезійцевъ, мандановъ. Ratzel говоритъ, что *обрѣзаніе и выбиваніе зуба у австралійцевъ* называется жертвой; *полинезійцы* говорятъ, что *нетатуированный* можетъ подвергнуться мести бога Атуа; что касается *мандановъ*, то у нихъ палецъ посвящаемаго отрубается въ жертву Великому Духу. Такимъ именно путемъ примитивный человѣкъ думаетъ примириться съ божествомъ, заслужить его расположеніе къ себѣ, вообще—вступить въ связь, союзъ съ нимъ: чисто библейская основа этого обряда въ формѣ, хотя-бы, обрѣзанія ясно видна изъ словъ Господа Бога патр. Аврааму, что обрѣзаніе, кровавый актъ надъ ребенкомъ, есть символъ союза, и, наоборотъ, несовершенство его равняется нарушенію этого союза (Быт. XVII, 10—14). Такимъ образомъ, можно прямо сказать, что кровавый элементъ или вообще все, посредствомъ чего кандидатъ въ посвященіи лишается своего, части своего существа, это—не что иное, какъ саможертва, какъ отданіе себя безотвѣтно во власть божества.

Нѣтъ нужды доказывать, что въ основѣ жертвы примитивнаго человѣка лежитъ логическая предпосылка о принудительности жертвы для ея объекта: если она совершена, если божество съ формальной стороны удовлетворено, то за такимъ *opus operatum* должно слѣдовать исполненіе просимаго; очень интересна въ этомъ отношеніи молитва одного

¹⁾ Брокг-Ефр „Энцикл. Слов“ lit. „обрѣзаніе“. Ср Baring-Gould „The origin and development of relig belief“—Rivingtons—London, 1882, P. 1. p. 368 a ff.

представителя племени Даулео, которую слышалъ Автенридь. Молящійся указываетъ на свои добродѣтели, на жертвы божеству и проситъ у него милостей на этомъ основаніи ¹⁾. Прimitивное мышленіе логически дѣлаетъ выводъ, что если опредѣленный субъектъ,—въ данномъ случаѣ—посвящаемый въ званіе взрослого—принесъ жертву собою, показалъ свою преданность, покорность божеству племени, оно должно заключить съ нимъ союзъ, освятить его, взять подъ свое покровительство; иначе говоря, человѣческій актъ—выборъ общины утверждается со стороны *causa prima*, — слѣдовательно, объектъ посвященія можетъ приступить къ новому званію.

Такимъ образомъ, первымъ элементомъ посвященія является актъ *возрожденія, обновленія* подростковъ, вторымъ—*принесеніе ими себя въ жертву* трансцендентному началу: изъ этого уже вполне логиченъ выводъ о правомочности къ вступленію въ число членовъ общины.

Изъ настоящаго краткаго анализа содержанія посвященій у дикарей не трудно видѣть, что подобныя церемоніи по преимуществу запечатлѣны мистеріальнымъ характеромъ, въ нихъ человѣкъ прежде всего *освящается*: быть можетъ, конечно, имѣется въ виду и физическая тренировка, но главная цѣль ихъ—религіознаго характера, и этимъ вполне объяснимо, почему у дикихъ народовъ посвящаются не только юноши, но и дѣвушки; эти обряды заключаютъ въ себѣ *идею освященія высшей, сверхъестественной силой* ²⁾.

Г. Шуртцъ видитъ тѣсную связь посвященій мальчиковъ съ культомъ предковъ: онъ думаетъ, что цѣлью возрожденія — перваго акта — является просто подготовленіе почвы для вселенія духа предка въ новаго члена, котораго тотъ наполняетъ новыми силами ³⁾; нѣтъ нужды отрицать такую интерпретацію, которая, быть можетъ, въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ имѣетъ мѣсто: выше мы видѣли, что у племени *бечуановъ* посвященія играютъ роль средства *усыновленія* кандидатовъ предводителемъ племени, занимающимъ постъ главнаго жреца, естественно, находящагося въ ближайшихъ сво-

¹⁾ Шуртцъ „Истор. первоб. культ.“ СПб 1907 г. стр. 600

²⁾ Brinton „Relig. of prim. peoples“—cit. op. pp. 198—199.

³⁾ Шуртцъ, cit. op. 114—116.

шеніяхъ съ міромъ духовъ, которымъ онъ можетъ, такъ сказать, указывать объекты для вселенія ихъ, и собственно усновленіе, слѣдовательно, есть процессъ закрѣпленія родственныхъ связей со всѣмъ племенемъ чрезъ вождя.

Итакъ, религіозной темой посвященій у дикарей является посвященіе, очищеніе новаго члена общины.

Универсальность, шаблонность посвященій, ихъ одинаково сложный ритуаль—все это говоритъ за то, что подобныя церемоніи суть явленія вторичнаго порядка, что онѣ—не изобрѣтены примитивнымъ мышленіемъ, а представляютъ наслѣдіе первобытнаго состоянія человѣчества, и въ библейскихъ данныхъ мы найдемъ указанія на первичную основу въ нихъ. По смыслу завѣта съ Богомъ, народъ еврейскій составлялъ Его достояніе (Лев. XXV, 23, Втор. VIII, 1; Іер. II, 7); онъ долженъ былъ быть весь посвященъ Ему, какъ жертва: отсюда, смерть въ физическомъ смыслѣ всего народа была-бы исполнѣ логическимъ слѣдствіемъ такого союза съ Іеговой; внѣшнимъ знакомъ союза служило обрѣзаніе младенцевъ 8 дней. Что такое, по существу, представляло собой обрѣзаніе?

Лафаргъ утверждаетъ, что обрѣзаніе евреевъ носило характеръ жертвованія Богу обрѣзанной частью, причемъ они дѣлали надрѣзы на ней предъ Его алтаремъ, и ссылается въ подтвержденіе на Исх. VI, 17 и Іер. VI, 10¹⁾; но, во первыхъ, въ этихъ мѣстахъ Библии ничего не говорится о технической сторонѣ обрѣзанія, а во вторыхъ,—Орелли совершенно вѣрно говоритъ, что евреи *не могли смотрѣть на крайнюю плоть, какъ на жертвенный субстратъ Іеговѣ, и что въ этомъ-то отношеніи мы наблюдаемъ большую разницу богословія библейскаго и—языческихъ религій: человѣческая жертва или оскотленіе въ честь божества, всякое вообще искаженіе человѣческаго тѣла противорѣчило моисееву принципу, такъ-какъ была запрещена даже кастрація животныхъ²⁾. Равнымъ образомъ, нельзя смотрѣть на кровь при обрѣзаніи, какъ на жертвенную кровь, — объ этомъ на почвѣ закона Іеговы не могло быть и рѣчи, такъ-какъ жертва*

¹⁾ Лафаргъ „Обрѣзаніе“—Петербургъ 1906 12—13.

²⁾ Hauck. „Realencyclor + prot. Theol“ Lpz 1897. II, 661.

Богу у евреевъ всегда соединялась съ представлениемъ, что жертвуется нѣчто *чистое для служенія Господу*, соединяемое съ искреннимъ расположениемъ, иначе говоря, жертвуется то, что для субъекта имѣетъ извѣстное значеніе, цѣну и жертва тѣмъ, что не имѣетъ цѣны, что лишне для чело-вѣка—это *non sens*. Согласно сознанію евреевъ, крайняя плоть есть символъ чело-вѣческой нечистоты, отъ которой каждый вѣрующій долженъ освободиться,—такая концепція, неясная въ начальный періодъ библейской письменности, особенно сильно сказалась у пророковъ, напр. у прор. Іезекіиля (XXX, 18; XXXII, 19—32), который отождествляетъ обрѣзанныхъ съ чистыми ¹⁾, но несомнѣнно, что подобная концепція была присуща всегда вѣрующимъ въ Іегову. Св. ап. Павелъ противопоставляетъ въ рѣзкой формѣ обрѣзаніе плоти очищенію Духомъ Святымъ (Римл. II, 28—29): здѣсь, конечно, высказана древне-еврейская традиція, которая считала крайнюю плоть нечистой ²⁾. Намъ нѣтъ нужды касаться вопроса о началѣ обрѣзанія у евреевъ, который рѣшается учеными библиологами въ смыслѣ санкціи Іеговой обычая, существовавшего вообще у семитовъ ³⁾, намъ важно то обстоятельство, что обрѣзаніе собственно означало *актъ очищенія* отъ естественной скверны, такъ что оно было для Израиля физической базой религіознаго обряда. Орелли, на основаніи анализа арабскаго *shātana* и евр. *שטן* говоритъ, что эта церемонія первоначально имѣла значеніе посвященія для вступленія въ родъ Іеговы ⁴⁾. Что касается восьмидневнаго возраста обрѣзываемыхъ, имѣвшаго своимъ прецедентомъ обрѣзаніе Исаака, то Гестингсъ совершенно вѣрно называетъ это обстоятельство чертой, характерной для еврейскаго ритуала ⁵⁾.

Такимъ образомъ, идеей обрѣзанія у евреевъ была мысль о необходимости обновленія, очищенія вступающаго въ богоизбранный народъ.

Настоящій небольшой экскурсъ въ область библейскаго богословія ясно подчеркиваетъ, что въ основѣ посвященій

¹⁾ Ср. „Encyclopædia biblica“, ed. by Cheyne a Black London, 1899, vol. 1, p 831—832.

²⁾ Ср Hastings „Dictionary of the Bible“ New-York, 1898, vol. 1, p 444

³⁾ Ср. „Enycl. bibl.“ cit op. pp 831—832

⁴⁾ Hauck „Realencycl“. В II, s 662.

⁵⁾ „Dictionn. of the Bible“—vol 1 p 443

у дикарей лежитъ мысль о необходимости посвященія всякаго новаго члена общины, очищенія отъ всего сквернаго, грѣховнаго,—это есть не что иное, какъ своеобразно выраженная потребность искупленія грѣшнаго человѣка. Правда, мы видимъ, что, вмѣстѣ съ извращеніемъ смысла кроваваго акта при посвященіи дикарей (жертва кровью), вокругъ чистой основы создалась масса частныхъ, деталей чисто натуралистическаго свойства, что служитъ лучшимъ аргументомъ въ пользу библейской теоріи о фізіономіи современныхъ намъ дикарей. Первоначальная идея о необходимости очищенія человѣка для вступленія въ народъ Божій подъ вліяніемъ уклоненія отъ истиннаго богопочитанія получила иной смыслъ, и вокругъ нея создалась своеобразная мистико-религіозная обстановка.

Н. Протасовъ.
